

ИСТОРИЯ, РЕЛИГИЯ, КУЛЬТУРА

DOI: 10.54631/VS.2023.74-624973

«ЗОЛОТОЙ ВЕК» ТРАДИЦИОННОГО ВЬЕТНАМСКОГО ОБЩЕСТВА. «ПОСТОЯННОЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ» ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII – НАЧАЛА XVIII в.

А. Л. Федорин¹

Аннотация. Во второй половине XVII в. во владениях правящего дома Чинь (формально — династии Поздние Ле) в северном Вьетнаме произошёл постепенный переход от милитаристской системы существования общества к схеме управления экономикой мирного времени. Центральным звеном происходивших перемен стало введение т.н. «постоянного налогообложения», которое означало отказ государства от вмешательства в дела общины, фиксирование «на вечные времена» форм и размеров налоговых и иных обязательств этих общин перед государством и отказ от их регулярного пересмотра в связи с возможным ростом населения или увеличением земельных площадей. Анализ материалов «Продолжения Полного собрания исторических записок Дайвьета» и других источников, освещающих события этого периода, показал, что данная реформа оказала благотворное воздействие на ситуацию в стране, привела к быстрому экономическому росту и способствовала началу настоящего «золотого века» в традиционном вьетнамском обществе.

Ключевые слова: история Вьетнама в новое время, Чинь Кан, Чинь Кьонг, аграрные реформы, ситуация во вьетнамской деревне, система налогообложения

Для цитирования: Федорин А. Л. «Золотой век» традиционного вьетнамского общества. «Постоянное налогообложение» второй половины XVII – начала XVIII в. // Вьетнамские исследования. 2023. Т. 7. № 4. С. 50–60.

Дата поступления статьи: 09.06.2023.

Дата поступления в переработанном виде: 30.09.2023.

Принята к печати: 05.10.2023

¹Федорин Андрей Львович, д. и. н., в. н. с., Центр изучения культуры Китая ИКСА РАН. ORCID: 0000-0003-0336-0055. E-mail: ffeedd@list.ru

**“GOLDEN AGE” OF TRADITIONAL VIETNAMESE SOCIETY.
“CONTINUOUS TAXATION” IN THE SECOND HALF OF THE 17th –
BEGINNING OF THE 18th CENTURY**

A.L. Fedorin²

Abstract. In the second half of the 17th century in the domains of the ruling Trinh house (formally the Later Le dynasty) in Northern Vietnam, there was a gradual transition from a militaristic system of economic existence to a peacetime governance scheme. The central link in the changes that took place was the introduction of the so-called “permanent taxation”, which boiled down to the state’s refusal to interfere in the affairs of the community, fixing “in perpetuity” the forms and amounts of tax and other obligations of these communities to the state and refusal to regularly review them in connection with possible population growth or an increase in land area. An analysis of the materials from the “Continuation of the Complete Annals of Dai Viet” and other sources covering the events of this period showed that this reform had a beneficial effect on the situation in the country, led to rapid economic growth and contributed to the beginning of a real “golden age” in traditional Vietnamese society.

Keywords: history of Vietnam in modern times, Trinh Can, Trinh Cuong, agrarian reforms, the situation in the Vietnamese village, taxation system

For citation: Fedorin A.L. (2023). “Golden Age” of Traditional Vietnamese Society. “Continuous Taxation” in the Second Half of the 17th – Beginning of the 18th Century. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 7 (4): 50–60.

Received: June 9, 2023.

Received in revised form: September 30, 2023.

Accepted: October 5, 2023.

Введение

Проходившие во второй половине XVII в. – первой четверти XVIII в. кардинальные изменения во вьетнамском традиционном обществе пока не стали темой отдельных детальных исследований ни во Вьетнаме, ни за рубежом. Оценивая в целом реформы Чинь Така и Чинь Кана (правили в 1657–1709 гг.) и контрреформы их потомка Чинь Кыонга (правил в 1709–1730 гг.), фактических правителей страны в то время, вьетнамские исследователи, избегая анализа их конкретной деятельности и её результатов, склонны считать первых из них консерваторами и ретроgrадами, уклонявшимися от проведения конкретных мероприятий с целью улучшить ситуацию в стране и, в конце концов, затянувшими её в пучину внутренних конфликтов, а второго, наоборот, активным реформатором, постоянно думавшим об улучшении жизни народа и предпринимавшим многочисленные рациональные шаги в этом направлении. Наиболее чётко и рельефно эти мысли прозвучали на конференции 2010 г. в Ханое, посвящённой жизни и деятельности *тьюа* Чинь Кыонга, где ни в одном из многочисленных докладов (только прочитанных и опубликованных было 40, а еще 24 были просто представлены [Chúa Trịnh Cương... 2010] не было сказано ни одного критического слова в его адрес.

В отечественной историографии этого вопроса касался Д. В. Деопик [Деопик 1994: 253], в целом согласившийся с мнением вьетнамских историков. В самом конце 2022 г. появилась

² Fedorin Andrey L., D.Sc. (History), Leading Researcher, Chinese Culture Research Center, Institute of China and Contemoirary Studies RAS. ORCID: 0000-0003-0336-0055. E-mail: ffeedd@list.ru

статья А. Л. Рябина, в которой он, полагаясь на информацию, содержащуюся в «Продолжении Полного собрания исторических записок Дайвьета» [Đại Việt sử ký tục biên], позволил себе усомниться в справедливости этих выводов и заключений и привёл в пользу своего мнения целый ряд весомых и убедительных аргументов [Рябинин 2022]. Его точка зрения показалась автору вполне обоснованной, но требующей дополнительных уточнений и разъяснений, что и предпринято в этой статье.

На взгляд автора, рассматривая реформы Чинь Така – Чинь Кана, его предшественники слишком быстро переходят непосредственно к реформам, при этом не уделяя должного внимания той ситуации, с которой столкнулись правители страны из рода Чинь во второй половине XVII в., а это очень важно, поскольку без такой информации понять цели и задачи вводимых новаций довольно сложно. Речь идет, прежде всего, о видах вьетнамских общин и их особенностях, о категориях земель и формах налогообложения, существовавших на момент начала реформ и политической ситуации в стране в то время.

О видах вьетнамских общин в равнинных районах

Таких видов было довольно много. Самым распространёнными были общины *нойвиты*, которые подчинялись непосредственно фискальным органам и налоги с которых шли в государственную казну на покрытие нужд двора, центрального госаппарата, столичной гвардии и т. д. Это была самая невыгодная для общинников форма подчинения, при которой приходилось вовремя и в полном объеме сдавать все положенные налоги казенным чиновникам и нести тяжёлые трудовые и рекрутские повинности. Таких общин по состоянию на 1713 г. было около четверти (24,7 %) от общего количества [Ngô Cao Lãng 1995: 190].

Вторым многочисленным видом были общины, весь доход с которых шел на оплату службы или на содержание конкретных лиц (родственников правящей семьи и высокопоставленных чиновников). Назывались они по разному: *телок* (для действующих чиновников), *нулок* (для родственников), *анлок* (для вышедших в отставку) и т. д., но, по сути, находились в примерно одинаковых условиях. Будучи формально обязанными платить налоги и сборы в том же самом объёме, что и общины *нойвиты*, они, не имея прямых контактов с государственными сборщиками налогов, часто, особенно в неурожайные годы, могли получать существенные послабления, тем более что их фактическими «хозяевами» часто были их собственные уроженцы, продвинувшиеся по службе, с которыми вполне можно было договориться. С учётом изложенного, любая община была кровно заинтересована в продвижении «своих» как по гражданской, так и по военной линии, создавала условия для их обучения и становления, поскольку в будущем это могло привести её к выходу из категории *нойвиты* и существенному уменьшению фискальной нагрузки.

Третьим, еще более привилегированным видом были общины *таоле* и *тышы*, обязанные все свои средства тратить на содержание и поддержание в достойном виде различных культовых сооружений: храмов, включая буддийские, мавзолеев и т. п. Эти общины вообще не имели контактов с конкретными сборщиками или потребителями налогов, их лишь изредка проверяли уездные или провинциальные власти. Реальные расходы у них были меньше, чем у двух предыдущих видов, да и спланировать их (например, на ремонт или строительство) можно было так, чтобы они пришлись на благоприятный год.

По территории страны эти виды были распространены далеко не равномерно. По естественным причинам большинство привилегированных общин концентрировалось в

провинциях, выходцами из которых были правящие династии или дома. При династии Чан существенная часть *диенчангов* располагалась в провинции Шоннам, при Маках привилегированные общины концентрировались в провинциях Хайзыонг и Киньбак, при Поздних Ле – Чинях – в провинциях Тханьхоа и Нгеан, уроженцами которых были они сами и большинство из их ближайшего окружения. Так, все общины родного для Ле Лоя уезда Ламшон в Тханьхоа были в принципе освобождены от уплаты любых налогов. В соседних уездах было множество общин *таоле*, обслуживающих храмы многочисленных родственников правящих семей или их могилы и т. п. Для страны данная ситуация была наиболее рациональной. Эти две провинции были бедны землями, пригодными для заливного земледелия, средний доход от получаемых здесь налогов был неизмеримо меньше, чем в дельте Красной реки, да и везти полученное в столицу, через богатейшие провинции с дешёвым рисом было в силу логистических причин совсем не рационально. За исключением средств, необходимых на содержание местной администрации, всё собранное приходилось оставлять на местах в качестве страховки на случай голодных лет или для возможного использования армией в качестве провианта при походах на юг, которые во второй половине XVII в. уже заканчивались. Так что рост числа привилегированных общин в этом районе на государственный бюджет влиял несильно. Иное дело главная житница Дайвьета – Шоннам (при Чанах) или богатая приморская провинция Хайзыонг (при Маках), где сокращение общин *нойвиты* негативно сказывалось на величине доходов государства.

Еще в 90-х годах XVI в., когда началось решительное наступление Чиней с целью освобождения всей дельты Красной реки и прилегающих к ней горных районов от господства Маков, войска наступающих получили четкое указание максимально бережно относиться к населению захватываемых районов, под угрозой казни отказаться от грабежей и насилия, бороться лишь с войсками и администрацией враждебной династии и то только в том случае, если они будут упорно сопротивляться и отказываться от капитуляции и сотрудничества. И, надо сказать, на правом берегу (провинции Шоннам и Шонтай) этот план вполне работал: местным жителям в целом было не так важно, кто из военных группировок будет сидеть в Тханглонге, в их повседневной жизни это мало что меняло. А вот на левом берегу (Киньбак и Хайзыонг) этого не происходило. Сопротивление было ожесточённым. Даже после разгромных поражений и поголовного уничтожения сопротивлявшихся реально усмирить захваченные районы никак не удавалось. Как только появлялся очередной представитель свергнутого дома или просто самозванец, к нему немедленно присоединялись тысячи сторонников из числа местных уроженцев, и всё приходилось начинать сначала. И это вовсе не были «беззаветная любовь и преданность» Макам. Просто общинники Хайзыонга и Киньбака слишком многое утратили из-за падения этой династии: в складывающейся ситуации они потеряли все свои привилегии и преимущества, превратившись в обычные общины *нойвиты*, обязанные платить все налоги и нести все повинности. Даже через много лет после окончательной победы над Маками, в 50–60-е годы XVII в., власти продолжали чувствовать враждебность в этих районах, которая в любую минуту могла обратиться в удар в спину, особенно во время периодических походов на юг против Нгуенов (а их предпринимали в то время регулярно). С этим надо было что-то делать. И одной из целей проведённых реформ было как раз решение этого вопроса.

О видах общинных землевладений

Когда речь заходит об общинных землевладениях, почему-то принято упоминать лишь два вида — общинные земли и частные земли. Действительно, в большинстве общин существенную часть угодий составляли государственные земли, переданные общине в пользование, которые община, в свою очередь, распределяла между своими членами на срочной основе с возможным перераспределением один раз в три–шесть лет.

В случае, если общине удавалось освоить новые участки земли, пригодные для земледелия, некоторое время их благоприобретатели не платили с них вообще никаких налогов (тут автор готов поспорить с А. Л. Рябининым): право частной собственности на них государство в те годы не признавало, так что и налогооблагаемая база в их отношении не возникала. По идее эти земли должны были быть включенными в список общинных при очередном переделе, хотя зачастую их пытались скрыть от чиновников, причём в большинстве случаев успешно.

Ещё одной категорией частных земель были земли, формально принадлежащие культовым сооружениям в рамках общины или за её пределами: буддийским и иным храмам, общинным домам, мавзолеям и т. д. Эти земли также не облагались государственными налогами. Доход от них должен был идти на обеспечение деятельности и поддержание в порядке соответствующих объектов. Многие семьи сами посвящали свои личные угодья указанным сооружениям, тем самым уходя от больших налоговых расходов, при условии, что общинные власти сохраняли для них возможность и далее пользоваться ими. Кроме того, и само государство нередко предоставляло налоговый иммунитет для части земель, например, для обслуживания учебных заведений, вычитая соответствующие суммы из обязательств общины по уплате поземельного налога. Совершенно очевидно, что ни культовые сооружения, ни учебные заведения не располагали возможностями управлять землями, которые якобы находились в их пользовании, ограничиваясь лишь получением соответствующих оговоренных заранее «дивидендов». Ими управляли все те же общинные старосты, которые включали эти земли в процесс регулярного перераспределения между общинниками.

Система управления земельными процессами в стране выглядела примерно так. Раз в три–шесть лет в общину прибывала комиссия, которая проводила обмер всех имеющихся здесь общинных (читай государственных) земель и составляла новый реестр налогоплательщиков, исключая из него умерших, стариков и ушедших из общины и добавляя общинников, достигших совершеннолетия (18–20 лет). При этом земли, посвящённые храмам, никак не учитывались: обычно община предоставляла документы, это подтверждающие, наиболее весомыми и авторитетными из которых были каменные стелы. Процесс передела земель и пересчета податных был весьма непрозрачным и коррумпированным: община всячески стремилась уменьшить объём своих угодий, скрыть вновь освоенные частные земли или какое-то число общинников, записав их в окончательном убывших. Так или иначе, в конце концов, чиновники всё-таки определяли, какое количество земли и общинников подлежат прямому налогообложению и сколько налогов в целом община должна была заплатить ежегодно (обычно, в два приема – летом и зимой). Эти цифры оставались неизменными вплоть до очередного передела. Затем приходила очередь общинного руководства, которое, сообразуясь уже с реальной ситуацией, распределяло землю между общинниками (включая земли культовых объектов, но исключая земли, принадлежащие частным лицам), стараясь

оставлять им тот же пай, что они имели ранее, дабы заставлять их заботиться о плодородии почв, а также определяя, сколько они должны были платить, чтобы община могла в будущем погасить долги перед государством и перед культовыми сооружениями.

Налогообложение общин

Изначально общины в то время платили два основных налога – поземельный и подушный. Поземельный налог зависел от плодородия почв и количества урожаев, которые можно было ежегодно собирать. Подушный налог для равнинных районов был фиксированным и не зависел от места проживания. Кроме того, существовала масса других регулярных и нерегулярных сборов, которые весьма докучали населению и по сумме своей нередко даже превышали подушный налог. Каждый общинник, помимо прочего, был обязан бесплатно отработать определённое количество дней на общественных работах. В первую очередь, это были работы на инфраструктурных сооружениях – мостах, дорогах, дамбах, плотинах, углубление речных русел, строительство причалов. Но иногда это был труд на государственных объектах, в частности, строительство походных дворцов, парков, жилых и развлекательных сооружений, к которому иногда на длительное время привлекали существенную часть общинников целых уездов. Два последних вида повинностей (сборы и отработки) являлись особенно тяжёлыми для тягловых, поскольку часто были непредсказуемы, а отработки к тому же, как и любой бесплатный (читай рабский) труд, ещё и малоэффективны, так как их участники были совсем не заинтересованы в результатах своей работы и часто халтурили, создавая лишь видимость выполненного объема. При ремонте дамб, например, такое отношение становилось реально общественно опасным, так как могло привести к тяжёлым последствиям.

Реформы времен правителей Чинь Така и Чинь Кана

Вот такое положение сложилось на севере Вьетнама к середине XVII в. В принципе его можно было считать терпимым, но находящаяся у власти администрация нелюбимого военными Чинь Така во главе с выдающимся администратором Фам Конг Чы (1600–1675) стремилась к лучшему. Руководствуясь неоконфуцианскими принципами, они хотели перейти от военного режима к нормальному гражданскому государству с рациональным землепользованием, налогообложением, государственными расходами, необходимой и достаточной армией, прекращением внутреннего противостояния между регионами. К сожалению, вьетнамские исторические источники, описывая то время, этим вопросам уделяют мало внимания, поэтому основную информацию приходится извлекать из сообщений первой четверти XVIII в., когда эти реформы постепенно стали отменять. Тем не менее общее представление о них вполне можно составить.

Главный упор в ходе возможных изменений предполагалось сделать на сокращении государственных расходов (в первую очередь оборонных) и создании благоприятных условий для быстрого восстановления разоренных гражданскими войнами сельскохозяйственных общин как залога установления внутреннего согласия в стране и ликвидации базы для мятежей.

Что касается земельных и налоговых реформ в стране, то они проводились постепенно начиная еще с 1657 г. и не встретили видимого сопротивления. Центральным звеном этих изменений, направленных на стабилизацию ситуации в обществе, сокращение

нерациональных расходов и повышение уровня жизни всего населения, включая крестьян, стало введение в 1669 г. так называемого «постоянного налогообложения» общин. Оно сводилось к тому, что государство отныне отказывалось от централизованного контроля за переделами земель и от пересмотра реестров налогоплательщиков, которые ранее проводились регулярно. У каждой общины четко фиксировались количество общинных земель и количество тягловых крестьян, количество денег и риса, которые община была обязана предоставлять государству в два приёма ежегодно, и эти числа не подлежали изменению с течением времени вне зависимости от того, менялось ли реальное количество населения или земли в общине.

Данная реформа была чрезвычайно выгодна общине, особенно её верхушке. Любое увеличение её населения (а в условиях мирной жизни оно во Вьетнаме всегда было очень быстрым) вело к уменьшению налоговой нагрузки по подушному налогу и сбору *диеу* (компенсация за право не участвовать в общественных работах) на отдельно взятого общинника. Фиксированный объём общинных земель фактически приводил к легализации частных, причём в их безналоговом качестве. Отныне риск того, что эти земли будут обнаружены и включены в состав общинных при очередном переделе государственными чиновниками, был исключён, что значительно повысило стоимость таких земель, делало их относительно нерискованными объектами купли-продажи. Включение в оборот новых пахотных земель, если они были освоены не частными лицами, а общиной в целом, вёл к увеличению объёма общинной запашки, а значит и уменьшению налоговой нагрузки в пересчете на одно *мау*. При этом наибольшие выгоды получали жители именно Хайзыонга и Киньбака, где в ходе боев население существенно уменьшилось, много земли оказалось заброшенной, но её возвращение в состав пашни не было связано с большими капиталовложениями. При этом попытки чиновников по старой памяти выявлять неучтённые земли не только не поощрялись, но даже пресекались: «Третья луна. Седьмой день (7 апреля 1688 г.). Правительство-*фулиеу* вышло с предложением: "Если у людей какой-то общины есть неучтённая земля, ещё не внесённая в списки, то их нужно великодушно простить. Отныне и в дальнейшем людям нельзя доносить, а проводящим расследования чиновникам нельзя заниматься этим, нельзя наказывать за сокрытие того, что уже есть. Этим демонстрируется политика большого великодушия". Последовали этому» [Ngô Cao Lãng 1995: 102].

Широкие права, предоставленные общинной верхушке при определении земельных паев и соответствующих денежных и иных взносов в общинный фонд отдельных общинников (а они, безусловно, были разными) без вмешательства государства делало их более справедливыми. Без злоупотреблений со стороны наиболее могущественных и богатых семей, безусловно, не обходилось, однако в условиях подчеркнутой общинной эгалитарности и демонстративного стремления к конфуцианской справедливости и честности, прислушиваясь к общественному мнению, переходить некие «красные линии» старосты не могли, тем более что и должности у них были выборные (пусть и с утверждением со стороны властей), и о своем авторитете им надо было беспокоиться.

Как это ни парадоксально, для государства эта реформа была также очень выгодна. Кардинально сокращались расходы на налоговое администрирование, исчезала необходимость содержать массу чиновников, занимавшихся сбором налогов, землемерными работами, поиском сокрытых земель и незадекларированных потенциальных податных. Отныне общины сами привозили должное количество денег и риса в заранее установленные

для них места, за ними даже не надо было кого-то посылать. Чувствуя всю выгоду сложившейся ситуации, общины были заинтересованы в том, чтобы заплатить налоги в полном объёме и точно в срок и не провоцировать появление на их территории каких-то казённых проверяющих или карателей, что могло обойтись им во много раз дороже. Исключения составляли лишь тяжёлые неурожайные годы, когда такой возможности просто физически не было.

Существенное значение имел и указ об ограничении размеров условного землевладения чиновников среднего и низшего звена в рамках своей общины. Как и раньше, им за службу в кормление передавались довольно большие по размеру земли в рамках их общин, но по новым законам реально их семьи помимо своего пая дополнительно могли своими силами обрабатывать не более 10 *мау* угодий, а с остальных им лишь причитался поземельный налог, который должен был выплачиваться общинниками в соответствии с существующими нормами. Все это существенно ограничивало формирование крупных помещичьих хозяйств, принадлежащих гражданским чиновникам, особенно в дельте Красной реки.

Большое внимание уделяли борьбе с коррупцией и злоупотреблениями чиновников, причем дело не сводилось только к декларациям и пожеланиям (таких докладов и раньше в тексте хроник встречалось немало). Центральные власти принимали конкретные меры к недопущению подобных явлений. К их числу можно отнести и прямые наказания чиновников за взятки, сообщениями о которых пестрят страницы хроник, и борьбу с затягиванием рассмотрения гражданских и уголовных дел, давно уже служивших источником вытягивания средств из обеих сторон судебных тяжб, и окончательное закрепление стандартов мер весов для зерна, сдаваемого в качестве налога и выставляемого на продажу, и регулярные амнистии для лиц, совершивших нетяжкие преступления или пустившихся в бега из-за тяжелой жизни и военных действий. Ввели и неоднократно подтверждали персональную ответственность преступников. Отныне компенсацию за причинённый ими ущерб можно было брать лишь с их собственных семей и семей их близких родственников (родители, братья). Круговая порука в рамках общины отменялась, возмещение потерь уже нельзя было возложить просто на всех членов общины, в которую входил преступник. Это лишало чиновников возможности разом банкротить целые коллективы налогоплательщиков.

Важной положительной чертой мероприятий, проведённых во времена правителей Чинь Така и Чинь Кана, был их одномоментный характер. В хронике по периоду после 1674 и до 1709 г. практически нет никакой информации о каких-либо изменениях в этой сфере, а для экономики стабильность и предсказуемость ситуации являются важнейшими факторами, позволяющими вести долгосрочное планирование и инвестиции, а не погоню за сиюминутной выгодой.

Насколько эффективны были принятые меры? Как они повлияли на ситуацию в обществе? Отвечая в своей статье на эти вопросы, А. Л. Рябинин сетует, что у нас нет критериев, позволяющих все это оценить с достаточной степенью объективности и беспристрастности. Но, на взгляд автора, такие критерии есть. И это не только голословные заявления вьетнамских хронистов о том, что времена правления императоров Ле Хи-тонга (1675–1705) и Ле Зу-тонга (1705–1720) почитаются за лучшие из всех правлений императоров династии Реставрированных Поздних Ле [Ngô Cao Lãng 1995: 59, 159]. Реальную оценку ситуации во вьетнамской деревне можно прояснить, анализируя так называемую «эпиграфическую активность» общины, используя количественные методы обработки данных

о появлении соответствующих каменных стел. Дело в том, что важнейшие деловые и имущественные документы во вьетнамском обществе того периода, первоначально зафиксированные на бумаге, в XVI–XIX вв. всегда стремились продублировать на «вечном» материале, чтобы подчеркнуть их абсолютную достоверность и надёжность. Для этого надо было раздобыть и привезти соответствующий камень (в дельте такого материала фактически не было), обработать его, сделать для него соответствующую каменную подставку (чаще всего, в виде черепахи), заказать текст (нередко его авторами были наиболее образованные люди своего времени, в том числе занимавшие высокие должности в госаппарате, чьи услуги обходились недёшево), нанять камнетесов для переноса этого текста на каменную заготовку и водрузить вновь созданный памятник в соответствующем месте. Всё это стоило очень дорого. По данным по состоянию на вторую половину XVIII в., цена изготовления одной стелы «под ключ» превышала 100 *куанов* медных денег, что сопоставимо с годовым подушным налогом, выплачиваемым целой общиной. Когда речь шла о государстве или богатых аристократических семьях, это не имело значения: свои памятники они ставили вне зависимости от экономической ситуации в стране. Что же касается общин, то они заказывали такие работы только в благоприятное время, когда могли себе позволить подобные расходы. В тяжёлые, безденежные годы сделки все равно заключались, но сведения о них некоторое (иногда весьма продолжительное) время оставались лишь на бумаге, а на стелах фиксировались задним числом только при подходящих экономических условиях.

Благодаря усилиям сначала французских, а затем и вьетнамских исследователей, которые предпринимались (и продолжают предприниматься) начиная с первой половины XX в., мы располагаем вполне репрезентативной базой данных по вьетнамской общинной эпиграфике XVI–XIX вв., количественное изучение которой позволяет составить своеобразную «кардиограмму» общества, указывающую на степень «благоприятности» сложившейся в нем ситуации. Так вот, период с 1657 по 1694 г. характеризуется стремительным ростом (в 2,2–3,1 раза по сравнению с предыдущим) количества всех видов общинных стел, а в период с 1695 по 1710 г. этот показатель, увеличившийся еще в 2,2 раза, достиг такого уровня, которого больше никогда в истории Вьетнама XVI–XVIII вв. не было. Что же касается следующего периода (1711–1730 гг.) практически совпадающего со временем правления Чинь Кьонга, когда от «постоянного налогообложения» отказались, то количество в среднем за год вновь создаваемых общинных стел сократилось почти в два раза, что является ярким свидетельством реального воздействия его контрреформ на ситуацию в деревне. Даже при его преемнике Чинь Зянге (правил в 1730–1740 гг.), считающимся никудышным администратором, она вплоть до 1739 г. и то была выше (соответственно в среднем 36,80 и 48,50 стел в год) [Федорин 2006: 297–300]. На наш взгляд, эти показатели наглядно и беспристрастно демонстрируют, как вьетнамское общество реагировало на постоянное налогообложение Чинь Така – Чинь Кана и какое воздействие на него оказали контрреформы Чинь Кьонга.

Что же так не понравилось Чинь Кьонгу в обществе принятой им в управление страны? Что же заставило его пойти на отказ от «постоянного налогообложения» и другие непопулярные меры, в короткие сроки буквально взорвавшие весь Дайвьет, вполне себе спокойно существовавший при его предшественнике? Зачем этот вполне разумный, хорошо образованный и в целом прозорливый человек пошёл на все это, не считаясь с рисками?

Всё дело в том, что помимо вполне очевидных положительных результатов, которые принесло для страны «постоянное налогообложение» и другие нововведения времен Чинь

Кана в виде стремительного экономического роста и устойчивого высокого уровня благосостояния существенной части населения, в обществе стали назревать проблемы совсем иного характера, связанные с этими реформами. Практически полный отказ государства от вмешательства во внутренние дела общин запустил в них стремительные процессы разложения и трансформации. Пользуясь своими позициями, богатые семьи стали концентрировать в своем ведении существенную часть подконтрольных общине земель, неважно, к какой категории (общинные, частные, храмовые и т.д.) они относились. Будучи не в состоянии обрабатывать крупные наделы силами лишь своей семьи, они создавали на их основе поместья, используя здесь труд беглых крестьян из других общин, которые, помимо прочего, таким образом уходили от уплаты подушного налога и всех иных сборов. В результате оказывалось, что материальное положение батраков было существенно лучше, а защищённость – выше, чем у независимых общинников, продолжавших тянуть свою лямку.

Быстрый рост населения создавал в деревнях его существенную избыточную массу, и если раньше был вполне надёжный клапан, позволяющий снимать излишнее демографическое давление (знаменитый «поход на юг» вьетнамского народа), то в конце XVII – начале XVIII в. он был прерван в связи с открытой враждой между северными (Чини) и южными (Нгуены) районами: граница усилиями как северян, так и южан была перекрыта, и массовая миграция на юг оказалась невозможной. Выделяемые в рамках общин её рядовым членам земельные паи становились всё меньше. До голода в обычные годы пока не доходило, но любой неурожай грозил обернуться катастрофой и зачастую ею и оборачивался. Дело в том, что Вьетнам в связи со сложными климатическими условиями в целом был зоной рискованного земледелия. Данное обстоятельство компенсировалось высокопродуктивным заливым рисосеянием, которое позволяло в благоприятный сезон собрать урожай, которого хватало на два-три года, чтобы в будущем пережить любые неблагоприятные климатические и иные аномалии. Но при наличии избыточного населения излишек зерна был много меньше, что и приводило к негативным последствиям. Рост населения нёс и вполне очевидные социальные угрозы. В деревне появилось большое число вполне здоровых, активных и работоспособных мужчин, которым нечем было себя занять и которые не видели для себя каких-то жизненных перспектив. При этом они не являлись люмпенами или изгоями и были готовы ради получения каких-то новых возможностей на многое (в дальнейшем именно они, а не обездоленные голодающие и составили социальную базу повстанческих армий в ходе массовых мятежей в 30-е – 50-е годы XVIII в.). Все эти потенциальные угрозы пока ещё носили скрытый характер и активно сдерживались всем довольной общинной верхушкой, но для многих (в том числе, видимо, и для Чинь Кыонга) состояние «закупоренного кипящего котла», готового вот-вот взорваться, в которое постепенно впадало вьетнамское общество, было очевидным.

Тем не менее завершить эту статью автор хотел бы цитатой из работы все того же А.Л. Рябина, который также немало размышлял о событиях XVII–XVIII вв. во Вьетнаме [Рябинин 2022: 167]: «...Больше уже никогда во вьетнамской истории вплоть до французской колонизации (даже в период правления императора Нгуен Тхэ-то, правившего под девизом *Зя-лонг* в 1802–1820 гг., когда экономически доминирующим слоям вьетнамской деревни представлялись большие льготы) состоятельные слои вьетнамского аграрного общества не будут пользоваться такой свободой, какую они получили в период с 1669 по 1711 гг.».

Список литературы

Деопик Д.В. История Вьетнама. Часть 1. М.: Изд-во МГУ, 1994. 320 с.

Рябинин А.Л. Постоянное обложение в Северном Вьетнаме (Дангнгоае) во второй половине XVII – начале XVIII вв. и Британской Индии в XIX в.: общее и особенное // *Oriental Courier*. 2022, № 4. С. 141–167.

Федорин А.Л. Особенности вьетнамской эпиграфики. Периодизация истории Вьетнама XV–XVIII вв. на основании данных эпиграфики // *Теория и методы исследования восточной эпиграфики*. М., 2006. С. 266–310.

Chúa Trịnh Cương. Cuộc đời và sự nghiệp. Kỳ yếu hội thảo khoa học [Правитель Чинь Кьонг. Жизнь и деятельность. Материалы научной конференции]. Hà Nội: Nxb. Văn hóa Thông tin, 2010. 580 tr. (На вьет. яз.)

Đại Việt sử ký tục biên [Продолжение исторических записок Дайвьета]. Hà Nội: Nxb. Khoa học Xã hội, 1991. 484 с.

Ngô Cao Lãng. Lịch triều tạp kỷ [Нго Као Ланг. Разнообразные записи о прошлых династиях]. Hà Nội: Nxb. Khoa học Xã hội, 1995. 695 с.

References

Deopik, D.V. (1994). *Istoriya V'etnama. Chast' 1* [*History of Vietnam. Part 1*]. M.: Izd-vo MGU. 320 p. (In Russian)

Ryabinin A.L. (2022). Postoyannoe oblozhenie v Severnom V'etname (Dangngoae) vo vtoroj polovine XVII — nachale XVIII vv. i Britanskoj Indii v XIX v.: obshchee i osobennoe [Constant taxation in Northern Vietnam (Dang Ngoai) in the second half of the 17th - early 18th centuries. and British India in the 19th century: general and special]. *Oriental Courier*, 4: 141–167. (In Russian)

Fedorin, A.L. (2006). Osobennosti v'etnamskoj epigrafiki. Periodizaciya istorii V'etnama XV–XVIII vv. na osnovanii dannyh epigrafiki [Features of Vietnamese epigraphy. Periodization of the history of Vietnam in the 15th–18th centuries. based on epigraphy data], in: *Teoriya i metody issledovaniya vostochnoj epigrafiki* [*Theory and methods of research of eastern epigraphy*]. M. S. 266–310.

Chúa Trịnh Cương. (2010). Cuộc đời và sự nghiệp. Kỳ yếu hội thảo khoa học [Ruler Trinh Cuong. Life and activity. Scientific conference proceedings]. Hà Nội: Nxb. Văn hóa Thông tin. 580 tr. (In Vietnamese)

Đại Việt sử ký tục biên [Continuation of Dai Viet Annals] (1991). Hà Nội: Nxb. Khoa học Xã hội. 484 tr.

Ngô Cao Lãng (1995). *Lịch triều tạp kỷ* [Ngo Cao Lang. *Various records of past dynasties*]. Hà Nội: Nxb. Khoa học Xã hội. 695 tr.